

Игорь Кожухов

Дедова правда

Вовка ехал к деду. Вовкин дед, семидесятипятилетний Иван Демьяныч, жил где-то на одном из островов великого озера Чаны. В начале прошлого века, как знал Вовка, дедовых родителей переселили из центральной России в эти места, где они и обжились. Именно здесь, вдалеке от цивилизации, жил Дунай Иван Демьяныч — дед любимого им внука.

У деда день рождения. Прожорливое время, как говорил старик, съело его дни быстро и безвозвратно. Он не поддавался на уговоры детей уехать в город, считая его какой-то бедой, где люди мечутся, не зная места. А это место он знает, на этом месте его дом, здесь он живёт и работает. И вот теперь старик вдруг написал письмо, в котором просил сына приехать в гости на скромное торжество. Но сын, врач по профессии, приехать не мог, поэтому к деду едет внук Вовка.

Сам Вовка, двадцатилетний студент педагогического института, по деду всегда скучал. Поэтому раз, а то и два в год бывал у него. В детстве было просто интересно наблюдать за работой деда и его друзей-рыбаков, ловящих и потом сортирующих рыбу, или гонять по камышам на дедовой долблёнке диких уток с утятами, а по вечерам слушать дедов «трёп», как говорила жившая тогда ещё бабка. Трёп был интересный, «за рыбацкую трудную жисть», со всякими отступлениями о великих, пойманных дедом рыбах, о красивых русалках с щучьими хвостами и женскими грудями, зовущими

рыбаков в камыши. Сказок и прибауток дед знал великое множество, и Вовка не мог понять, как дед никогда не повторяется, часами рассказывая их. А бабка, посмеиваясь над его удивлением, говорила, что дед сочиняет их сам. Но Вовка деду скорее верил, потому что уж очень красиво и живо старик всё описывал. Как по правде.

А год назад умерла бабушка Галя или, как её звал дед, Галка-птичка.

Иван Демьяныч так запереживал после её смерти и похорон, что сам чуть Богу душу не отдал. Вовка почти всё лето провел со стариком, обросшим и потерянным, ходил за ним по пятам и теперь уже по-взрослому понял и зауважал этого жёсткого, но по-своему доброго и хорошего человека...

Поездке он обрадовался и по поводу дедова праздника решил подарить ему свой CD-проигрыватель, устаревший для него, но наверняка диковинный

для деда, и несколько неплохих, на его взгляд, видеофильмов.

Поездка в эти места утомительна. «Неблагона-дѣжных» в годы репрессий засылали почти на верную погибель. Если ещё учесть, что ехали со всем скарбом, с малыми детьми, на голодных, почти пропащих лошадях и, что самое главное, неизвестно куда, и то, что многие выжили и обжились в этих местах — чудо.

На поезде Вовка добрался до областного города, затем на юрком «Пазике» до бывшего центрального совхоза, а уж затем на

перекладных через полуразрушенную дамбу на огромный, гектаров в двести, остров, где стояла дедова деревушка.

Деревня находилась в самом конце идущего на заужение острова, поэтому была в две улицы. Между улицами находился магазин, небольшой старый клуб времен Хрущёва-Брежнева и семилетняя школа. С обеих сторон деревни расплзлись огороды, в основном под картофель, и сразу через камыши — великое озеро Чаны.

В конце деревни на самом заужении, на взгорочке, вставало вдруг кладбище, небольшое, огороженное прогнившим штакетником, с незакрывающимися, наклонившимися на обвисших столбах, воротами. И именно здесь, недалеко от этого совсем не радостного места стоял ещё добротный, построенный при «последних» коммунистах, дедов «форпост».

Вовка почти забежал в знакомый до мелочей дом. Дед сидел на корточках у печки, а изба была полна синего с пролесами дыма.

Увидев Вовку, Иван Демьяныч, как бы продолжая начатый разговор, стал объяснять:

— Тяги нет! Скоро холода, думаю, зольники прочищу, да испытаю, язвы её... А она вовнутрь топится, будто у неё трубы нет, — и, встав, с лукавой улыбкой обнял Вовку, — уважил, внук, ну уважил старика на старости лет...

Вовка, несколько не стесняясь, тоже крепко обнял пахнущего дымом и зольной горечью деда...

Вечером, напарившись в баньке, маленькой из-за отсутствия на острове вволю дров, но горячей, Вовка и дед сидели за столом. Вовка рассказал все, какие знал, новости и вспомнил о CD-плеере.

— Дед, а давай я тебе кино хорошее включу! Красивое, про жизнь и любовь!

— Русское? — дед, чуть-чуть хмельной, прищурил левый, с хитринкой,

глаз.

— Нет. Но дублированный, как русский.

— А кто главный?

Дед имел в виду, кто в главной роли, и, поняв это, Вовка прочитал аннотацию.

— Джек Николсон, один из самых скандальных актёров Голливуда. Жёлтая пресса приписывает ему сексуальные отношения с двумя тысячами женщин. Много семейных пар распалось из-за любви к актёру... — Вовка не закончил.

— Каво ты сказал? — с дедова лица сошла ироничная улыбка, и он приподнялся на кулаках над столом, — сколько женщин? Я не ослышался по слабости слуха? Две тысячи?! — дед осел, — он что конь, этот твой Николс? И кто у него со свечкой стоял, считая?

Дед смял рукой скатёрку и в упор смотрел на Вовку. Вовка растерянно молчал.

— Был у нас в совхозе жеребец, медалист. Ему особых жеребух, молодых кобылок приводили. Дак тому что? Стой, жри комбикорм,

пей подслащённую водичку да жди! Подведут, ткнут носом, да ещё и подержат. Делай дела! А здесь же женщины, не кобылы, как их может быть две тысячи?! С ними же пожить надо, узнать, полюбить. Ей же одной все огороды перетопчешь, цветы таская... Из-за неё, морду тебе раз пять-десять разобьют ухажёры её, и ты тоже им. И пока она поймёт, что ты не просто к ней, пока поймёт, да решится на шаг... Это сколько же ему лет? Двести что ли? Жеку твоему?

Вовка был обескуражен дедовым напором.

— Да ты не понял, у них все проще, там не надо шибко ухаживать, цветы там дарить... Просто пробежала искра — и всё, и это, в постель... — Вовка запутался, покраснел и замолчал.

— Ах не надо, говоришь? Значит, и впрямь, как у коней? А ты знаешь, что одной кобылке, Ивой звали её, не понравился наш жеребец. Так она ни в какую! А он в охоте, возьми, да прикуси её за холку. Так она изловчилась и так ему дала задними копытами, что отлетел наш производитель! И больше не подошёл к ней. А ты говоришь, ухаживать не надо! У меня в жизни было три бабы. С двумя так намучился, столько крови пролил и зубов потерял, что если бы не твоя бабка, Птичка моя, погиб бы молодым. А она полюбила меня, и я её. Полюбила и ждала из армии пять лет. И как в пятьдесят восьмом поженились,

так и прожили вместе больше полувека. А ты говоришь, без любви... Просто так... Гадство! — и дед сухо плюнул в сторону.

Пять минут стояла звонкая тишина. Дед налил полрюмки своего самогона, выпил, заел захрустевшим во рту огурцом и снова заговорил.

— А где он здоровье на них берёт, скажи мне? На них ведь тоже здоровья надо немало. И спроси у него, сможет ли он, вон, машину дров за день изрубить, которую мне Гришаня, сосед, с большой земли привёз? Спроси! — и, убеждая Вовку, что не сможет, дед засмеялся.

— А я за световой день её сделаю, всю, до последней чурочки. И комельки подберу... И не лыбься! Завтра и начну! Посмотрим на силу ихнюю и нашу! А то сказать-то можно всякое, а ответить за слова... Вот что трудно.

Дед встал, чуть качнувшись, и, пожелав спокойной ночи, ушёл в горницу... Вовка ещё посидел чуток, улыбаясь дедовому возмущению, и тоже засобирался спать. Завтра к обеду нужно быть в райцентре, чтобы к понедельнику — в институте.

Утром его разбудил дед.

— Вовка, болею что-то шибко сегодня с похмела. То ли самогон не удался?

Вовка открыл глаза. Напротив, на кровати, сидел дед в старых китайских с завязками кальсонах, лохматый, с жалким лицом, обросшим за ночь седой щетиной.

— Так похмелись.

— Нет, отлежусь. Только ты это, давай спор перенесём на послезавтра, а?

— Какой спор?

— Про дрова, — и дед вытер дрожащей рукой слезящиеся глаза.

— Ты что серьёзно, дед? Перестань. Через неделю приеду на выходных с другом и переколем.

— А, ну ладно, — и дед, облегчённо вздохнув, лёг лицом к стене и подогнул ноги.

Через час Вовка, попрощавшись с лежавшим дедом, уехал в город.

P.S.

В понедельник вечером в квартире Вовкиных родителей зазвонил телефон. Трубку взяла Вовкина мать и, поговорив минут пять, крикнула Вовке, чтобы он взял параллельный. Подняв трубку, Вовка услышал деда:

— Слышь, внук, доколот я дрова. Сам доколот. За день, как и спорили. Так что позвони своему Жеку и скажи, что конём многие быть могут. Надо ещё уметь быть мужиком, и, по-моему, этого-то он и не умеет... Так-то...

И дед положил трубку.